

«Бог много ему дал, а через него нам»

Вечер памяти Алексея Владимировича Яблокова
в деревне Петрушово 3 июня 2017 г.
Стенограмма.

Дильбар Николаевна (ДНК)

Мы проводим наш вечер в клубе, который возник буквально на развалинах магазина. В нашей купчей так и сказано: «груда камней». Теперь здесь и библиотека, и компьютер, и кинозал. Специально москвичам расскажу, что за интересные огромные куклы встречают вас у входа.

Однажды на нашем деревенском празднике «Макушка лета» кто-то придумал сделать символом «Макушки» Петрушу. У меня нашлась подходящая кукла с симпатичной мордахой, но с короткими ножками. Ножки нашлись у другой куклы, потерявшего физиономию Микки-Мауса. Объединить одно с другим не составило труда, и Петруша стал любимцем детворы. Однако вскоре стало ясно, что ему одиноко – поговорить-то не с кем. Вполне естественно, что таким товарищем ему мог бы стать барсук, поскольку соседняя деревня, из которой к нам на праздники приходили и местные жители и дачники, называется Барсуково. Обшарили с Яблоковым весь интернет – нет такой игрушки в продаже, но зато нашли сайт детского журнала «Барсук».

Написали главному редактору, попросили прислать хоть какую-нибудь выкройку. Алексей Владимирович увеличил ее, а Виолетта Анатольевна смастерила чудного зверя, удержаться и не потискать которого просто невозможно. Потом появился и симпатичный Песик, который олицетворяет собой дачников. И теперь на всех «Макушках» эта неразлучная тройца разыгрывает интермедии на разные актуальные для деревни и страны темы. А вот на той полочке - куклы, которые смастерили ребята для наших кукольных спектаклей. Меняются кукловоды, а куклы остаются.

Как видите, здесь буквально все связано с Алексеем Владимировичем.

Естественно, что мы сегодня здесь, и естественно, что мы собрались на вечер его памяти в преддверии Всемирного дня охраны окружающей среды. В этот день Алексей Владимирович всегда давал в Москве пресс-конференцию. В представлении нашей и мировой общественности он был самым авторитетным экологом России.

С тех пор как его не стало, в разных частях нашей страны проводятся Яблоковские чтения, Яблоковские вебинары, Яблоковские дебаты. В Музее морского океана в Калининграде готовится постоянно действующая экспозиция Яблокова, московские активисты хлопочут о присвоении его имени одному из скверов города, его именем хотят назвать гору на дне Охотского моря. В то же время сам Алексей Владимирович часто говорил в своих интервью, что его самое любимое место на земле – Петрушово. И поэтому именно здесь Яблоков-Фонд создает Яблоков-Центр. И именно

поэтому мы решили провести здесь вечер памяти. Тем более, что благодаря Алексею Владимировичу здесь есть такой чудесный клуб. Но в нашей программе не только вечер памяти. В эти дни здесь стартует акция Яблоков-Сад. Будут высажены яблоньки в нашем саду за околицей и подготовлены ямы для осенних посадок. Осенью в день рождения Яблокова будет продолжение этой акции. Приедут из разных мест России, чтобы поучаствовать в работах в саду и ... увезти саженцы яблонь, выращенных Алексеем Владимировичем из яблочных семечек, в свои регионы. Инициатива очень активно подхвачена, я уже составляю список желающих. В Ленинградской области хотят посадить целую яблоневую аллею. А кто-то выступил с инициативой создания общероссийского движения «Яблоков-Сад».

Завтра приглашаю всех в нашу часовенку, в строительстве которой Алексей Владимирович принимал непосредственное участие. Приедет наш приходской батюшка, чтобы благословить наши добрые дела в память о Яблокове.

Сегодня петрушовцам и гостям предстоит открыть для себя неизвестные страницы жизни Яблокова. Например, часто спрашивают: почему именно Петрушово? Как мы здесь оказались? Ничем не примечательная деревенька, сюда даже автобусы не ходят.

Петрушовцы же помнят, как 33 года тому назад я снимала здесь для Центрального телевидения передачу «Сельский час». Среди прочего местные жители жаловались мне на отсутствие дороги до деревни и связанные с этим трудности их жизни. Тогда, в советские времена, ЦТ воспринималось чиновниками как отдел пропаганды ЦК КПСС. И вскоре дорога была построена. Новые времена – новые трудности. Помню, как на встрече 92-года в Кремле (Яблоков тогда был советником президента) Гайдар, Лопухин и другие «реформаторы» всерьез говорили о возможности голода в России. Весной стало ясно, что этот прогноз вполне реален. Чтобы подстраховаться, мы решили купить дом в деревне, посадить картошку и другие овощи на всю уже большую объединенную семью. Выбор пал на Петрушово, так как там жил человек, И.И. Кондрашов, егерь, на чью помощь мы могли рассчитывать и на кого могли положиться. Когда Алексей Владимирович впервые приехал сюда, он оглянулся на все четыре стороны и сказал: «Кругом лес. Это и есть Россия. Остаемся».

Ну а полюбил Яблоков деревню еще и потому, что когда через год мы купили заброшенную без окон и дверей школу, он понял – здесь работы невпроворот. А больше всего на свете Яблоков любил работать. Он же у нас и плотник, и столяр, и сантехник и электрик. Давно замечено, что любой человек привязывается к месту, в которое он вложил свой труд. (Синдром дачников). А уж сколько труда вложил Яблоков в эту деревню – от вывески на въезде «Петрушово. Добро пожаловать» до заложенного на семи гектарах частного сада общего пользования!

На нашем новом доме под коньком кровли, как это и положено в русском деревянном зодчестве, есть узор. Мало кто из местных жителей обращает на него внимание, а кто обращает – недоумевает: почему в центре России на доме изображены... дельфины. Сегодня вы не только услышите ответ на этот вопрос, но и посмотрите фильм «Рожденные свободными» с участием Алексея Владимировича.

Алексей Владимирович со студенческих лет и до конца жизни занимался морскими млекопитающими. Именно эта сторона его научной деятельности принесла ему первую мировую славу. Но занимался не только как ученый, но и как охранитель. Будучи уже в тяжелом состоянии, он добился возбуждения уголовного дела против браконьеров, вылавливающих на Дальнем Востоке касаток. На каждой касатке они зарабатывали по несколько миллионов долларов. А это значит, что интересы этих ловцов были защищены различными высокими чиновниками, которые были в доле. В больницу ему неоднократно звонили из прокуратуры, а в декабре приходил следователь «снимать показания» с заявителя.

Последнее интервью перед самым Новым годом он дал по телефону журналу «ЭкоГрад», в котором высказал свое отношение к объявленному властями Году экологии. Смогут ли они подкрепить свои хорошие слова делами? Ведь именно на их совести тотальная деэкологизация последних 17 лет, когда прибыль и обогащение немногих стали важнее здоровья и благополучия многих.

В последнее время Алексей Владимирович как ученый, биолог и мыслитель все чаще и, я бы сказала, все глубже, задумывался о судьбе нашей планеты и человечества, бездумно и безумно относящегося к окружающей среде, которая является необходимым условием нашего существования. Словно подрубающего сук под собой. «Земля может исторгнуть человека, чтобы сохраниться», говорил он в одном из интервью. Человек должен осознать это и взять на себя ответственность управления биосферой. И в этом, может быть, глобальное предназначение человека, цель и творения и развития цивилизации. Последняя из его статей (с соавторами) на эту тему была опубликована в международном журнале «Космология и философия» в одном номере с некрологом.

Яблоков работал до последнего дня.

А мы до последней минуты все еще надеялись, что вместе приедем в Петрушово, и он продолжит здесь, как истинный натуралист, изучение ареала грибов в нашем дворе. Ведь мы уже купили ему для этого кучу колышек, а один из московских научных журналов ждал от него статью об этом.

Спасибо всем, кто приехал-пришел сегодня в наш клуб вспомнить об Алексее Владимировиче.

Я представляю Вам активистку Сасовского района Рязанской области, которой правозащитники присвоили почетное звание «Золотая заноза» Веру Дронник. Правозащита и защита окружающей среды – это всегда вместе. Потому что каждый человек имеет право на здоровую окружающую среду.

В. Дронник

Наша история началась в 2007 году, когда на окраине нашего поселка на черноземе стали строить некий химический завод по производству смол. Причем с нарушением санитарной зоны, без всяких документов, без общественных слушаний, без экспертизы. Просто, видимо, дали взятку. Тут явно была коррупционная схема, продажные чиновники, губернатор Шпак. Нагло стали говорить, что эти инвесторы, а они, кстати, пришли из города Дзержинска, который занимает второе место по загрязнениям после Чернобыля, эти инвесторы, якобы вкладывают пятьсот миллионов. А у нас и так – чернобыльское пятно. И завод этот расположен между трех сел примерно на пятьсот метров от каждого. Там же в пятистах метрах от этого завода - элеватор федерального значения, неприкосновенный запас которого 18 тысяч тонн зерна. Мы сначала обратились в прокуратуру – она не мычала. Мы не знали, куда обратиться. И мы с моим заместителем по общественной организации – она завуч в школе, поехали в Москву на консультацию к Алексею Владимировичу Яблокову. И к Федорову Льву Александровичу. Он возглавляет «Союз за химическую безопасность». Этот завод – химический, но без всяких очистных сооружений, строители обещали... «проветривать». Во всех странах, где существуют производства вроде этого – первой категории опасности – есть каталитические фильтры. Но они стоят 42 миллиона долларов. А весь завод, который они к тому времени уже построили, стоит 44 миллиона долларов. И стали производить. Алексей Владимирович сказал, что он внимательно это все посмотрит. Он проявил к нашему случаю большой интерес - и человеческий и научный. Он посоветовал провести референдум. Как провести референдум? Мы его, кстати, провели. Но Закона о реализации решений референдума в России нет. Яблоков как ученый, как политик по пунктам, по крупинкам отслеживал нашу ситуацию – как и что у нас получается или не получается. Мы организовали в Рязани круглый стол, пригласили Яблокова, Федорова, юристов из Гринпис. Яблоков переживал за наших простых людей. У нас никаких благ на этом свете нет, никаких миллионов, никаких яхт, никаких дворцов, ничего нет. Дайте нам только чистую воду и свежий воздух. И это отобрали. Яблоков подсчитал, сколько при таком производстве будет истрачено воды, которая будет взята из наших питьевых источников. На перекрестке трех районов построили завод, И он будет осушать наши водоносные слои. И у нас просто воды не будет, а о воздухе я уже не говорю. В феврале начали подпольно производить эти смолы - в апреле грачи не прилетели, собаки вокруг не бегают, стали сохнуть вишни, сливы – косточковые стояли как скелеты. Потом их просто порубили и сожгли. Наступила настоящая экологическая катастрофа. Ближе к лету свернулись листья у груш и яблонь. У людей на ногах и руках появились белые пятна, струнья. Как ни смерть – так онкология. Это только начало работы завода. Мы его все-таки закрыли и референдумом и судами. И разбили экологический лагерь под стенами этого завода, следили, чтобы он опять не

начал работать. Приезжали «зеленые» из Германии, из Польши, из Чехии, из других стран. Они отбывали вахту – кто только во время своих выходных, кто во время отпусков – по-разному. Отбывают вахту и уезжают. А ФСБ требовало как ворон крови, чтобы все регистрировались. На меня писали-писали. Собрали совещание в администрации, глава нашего ФСБ говорит: «Дронник ходит по лезвию бритвы. Она заигралась, она не понимает, что она делает». А тут сидят «Хранители радуги», другие общественники, в том числе юристы по образованию, журналисты были – не запугаешь. Прокурор такой солидный... Три года они нам писали, что завод в настоящее время не строится, а завод уже стал продукцию производить. А прокурор объясняет, что Рязанская прокуратура возбудила дело, передала в суд по отмене незаконного решения Роспотребнадзора об уменьшении вдвое санитарной зоны до пятисот метров, вместо 1000. То есть лед тронулся. В это же время приезжает к нам в лагерь Алексей Владимирович с Дильбар Николаевной. Провели конференцию. Яблоков сделал доклад и внимательно выслушал местных жителей. Его интересовало, как на всю эту ситуацию реагируют жители. Ведь закрытие производства всегда означает потерю рабочих мест. Я никогда не была знакома с научными работами Яблокова. Мы были просто соратники как экологи. Однажды иду с электрички, встречаю бывшего директора школы, он говорит: «Вера Михайловна, мы прочитали в интернете, что Вы являетесь консультантом академика Яблокова». Я подумала, что это какой-то анекдот. Пришла домой, звоню Яблокову, говорю, кто-то пошутил в интернете, что я Ваш консультант. Я вообще-то ветврач по образованию. Он говорит: «Да, я сказал в интервью, что вы являетесь моим консультантом». Я неделю была в шоке. Когда писала книгу о нашей борьбе, он помогал мне. Сидим в его кабинете, здесь в Петрушове, он читает, хохочет: «Дильбар, Дильбар, почитай, что Вера тут про меня и Федорова написала, что мы старики-разбойники».

А завод после многочисленных судебных процессов не то, что закрыли – разобрали под ноль.

ДНК

Добавлю, что этот пример – один из немногих в России успешной борьбы за свои экологические права, а проведение референдума – это вообще уникальный случай, таких было, кажется, всего два. Власти делают все, чтобы не допустить референдума, потому что референдум - это высшая власть. Его решения – обязательны для исполнения по Конституции. Но реализовать это конституционное право очень сложно. Нужно быть такой «Занозой», да не простой, а золотой.

Вопрос Кате. Екатерина Чистякова, директор фонда «Подари жизнь», член Попечительского совета Яблоков-Фонда. Вы работали в лаборатории Яблокова, но пришли туда уже тогда, когда Яблоков там не работал уже более тридцати лет.. Почему же до сих пор ее называют Яблоковской лабораторией ?

Е. Чистякова

Я действительно пришла в лабораторию, когда Яблоков уже там не работал, но на стене самой большой комнаты лаборатории, где у нас проходили лабораторные коллоквиумы, всегда висел и висит большой портрет улыбающегося Яблокова. Ну и Кленеберга, который был предшественником Алексея Владимировича на этой должности. Я с тех пор такого портрета не видела, не знаю, откуда он. Да, это была лаборатория Яблокова, мы, молодежь, его не видели, только знали, что Яблоков- великий, что он много работает. Факсом он нам отправлял множество всяких материалов в день, в том числе из Петрушова. И мы посылали ему свои ответы, и шутили, что «на деревню дедушке». Потом Алексей Владимирович создал Центр экологической политики, понимая, как он говорил, что его присутствие в органах власти становится все менее результативным, и все меньше удается чего-то добиться. Так что вскоре он вернулся в институт. Слава о нем была, как о человеке грозном, серьезном начальнике. Все его боялись, а моя коллега мне говорила, что она заходила к нему в кабинет со словами: «Только не ругаться» и слышала в ответ: «Только не плакать». После этой прелюдии можно было начинать разговор. Это были времена, когда на всех был один компьютер, жужжал модем, а от Яблокова шел нескончаемый поток сообщений с самым разнообразным содержанием – и киты, и какой-нибудь завод где-нибудь, и атомная энергетика, и бог знает что. Я как-то смотрю какое-то письмо, а там написано, что в тундре до сих пор раскиданы какие-то радиоактивные элементы, которые использовались для раций. Я тогда подумала: «Ерунда какая-то. Какие радиоактивные элементы в тундре? Вот говорят же про Яблокова, что он алармист.» И я стала проверять эту информацию. И действительно, в тундре скопилось довольно много этих радиоактивных элементов питания для раций. С этого момента мне стало ясно, насколько много из разных областей он знает. Каких-то таких деталей, что у обычного человека просто в голове не уляжется.

После 80-летия Яблокова в самом начале четырнадцатого года я приехала в Петрушово, чтобы записать с ним большое интервью, которое должно было стать основой книги о нем. В числе прочего он мне сказал, что в жизни у любого человека, и тем более у ученого, очень важно, чтобы был учитель. Своими учителями он считал Петра Смолина, Тимофеева-Ресовского. Сам он сетовал на то что, наверное, он не учитель, потому что «я такой человек замкнутый, мне приятнее работать с компьютером, с документами, с какими-то статьями. Я не очень весел и не многословен». Я думаю, что он, конечно ошибался. Галина Александровна Клевезаль рассказывала, что в последние дни Яблоков думал, возвращаться ему в науку или, учитывая, что у него осталось мало времени, продолжить свою природоохранную активность. «Ко мне приходит так много людей, много людей предложили сдать для меня кровь. Думаю, что я нужнее им как эколог. Поэтому я, наверное, не буду тратить свое время на научные работы». Любой человек думает на самом деле о том, что останется после него. Я же думаю, что и собрал Яблоков нас

всех здесь прежде всего как личность. При всех его заслугах и в науке и в охране природы. Когда говорят «матерый человечище» - избитое выражения, но это точно про Алексея Владимировича. Широта и разнообразие интересов, потрясающая активность, невозможность остановиться, огромный интеллект, решимость браться за неподъемные дела, и то, как он принимал решения – это потрясающе. Когда мы с ним записывали интервью, он объяснял, что ушел со всех постов государственных, где можно было нарастить себе погоны, потому что это не приносило результата. В научной деятельности он однажды сменил направление своей работы, потому что морские млекопитающие стали использоваться в военных целях, когда дельфинов, например, пытались превратить в саперов, бионика тоже должна была работать на оборону. Это противоречило его убеждениям и ценностям. А он всегда шел за своей верой, за тем, что считал нравственным. Когда он говорил об Учителе, он также считал, что помимо всего прочего Учитель должен быть обязательно нравственным. И это - то главное, чему я пыталась у него научиться, Надеюсь, у меня есть время еще встать на цыпочки.

ДНК

Я хочу добавить к рассказу Кати. Действительно, в разговоре с Галиной Александровной он задавался вопросом – чему посвятить оставшееся ему время жизни. Вполне естественно, что его коллега по науке, сказала: «Конечно, науке. Ведь то, что ты сделал и делаешь в науке – это навсегда. И для всего человечества». Яблоков был такой человек – он считал нужным делать не то, что ему приятно и интересно, а то, что нужно вот сейчас людям. И Яблоков ей возразил: «Похоже, что моя общественная активность больше сейчас нужна. Я получаю сейчас очень много писем поддержки от разных людей». Тогда была такая история. У Алексея Владимировича были проблемы с кроветворением, и ему необходимо было все время вливать эритроциты и тромбоциты. Гринпис через фейсбук призвал волонтеров сдавать кровь для Яблокова. На станцию переливания крови при больнице каждый день приходили люди. Наконец, заведующая этой станцией взмолилась: «Мы не в состоянии забирать ежедневно столько крови, необходимо уменьшить этот поток людей». И она же потом рассказывала: «Я впервые столкнулась с таким явлением. Я спрашивала, почему они приходят безвозмездно сдавать кровь, вряд ли у нашего больного столько близких родственников. Мне говорили, что даже не знакомы с Алексеем Владимировичем, а просто знают о нем и очень уважают». И Алексей Владимирович сказал своей коллеге: «Эти люди меня знают как общественного деятеля. Я им нужен как защитник природы и людей». Ну а нашей деревне он был нужен еще и как активный участник нами придуманного праздника «Макушка лета». На одном из таких праздников Владимир Сергеевич Трубочкин, тогда еще кандидат в председатели нашего сельсовета, и познакомился с Яблоковым.

Трубочкин В.С.

Во-первых, спасибо за те мероприятия, которые вы проводите в память об Алексее Владимировиче на нашей родной Петрушовской земле. Я познакомился с Яблоковым в Петрушово на мероприятии, которое много лет проводится в деревне – на «Макушке лета», хотя и до момента знакомства, конечно, о нем знал. Это было в 14- году. Мы с ним побеседовали по целому спектру вопросов – от экономических до политических. Несколько минут общения с этим человеком позволяли сделать вывод о том, что перед тобой находится неординарный человек, с широким кругозором, гигантским интеллектом, специалист во многих областях. Все жители Петрушова и окрестностей с уважением относились к этому человеку и не только, конечно, из-за праздника. Кстати, я предлагаю сделать этот праздник праздником Яблокова. Это праздник лета, праздник чистоты, праздник прекрасной светлой природы. И праздник талантов, конечно.

ДНК

Владимир Сергеевич! Давайте подробнее расскажем об этом празднике, ведь наши гости даже не представляют, что это такое.

Все началось 16 лет назад, когда наши внуки были маленькими. В середине лета мы организовали для всех деревенских и дачных детей праздник – там были и спортивные состязания, и игры, конкурсы, смотр детских талантов. И конечно, награждения. Дети выросли, а вместе с ними вырос и праздник. Мы сочиняли пьески, ставили кукольные спектакли, для чего делали кукол, проводили конкурсы и выставки. Все это сначала было в нашем, бывшем школьном дворе. А потом праздник выплеснулся на лужайку перед часовней, а в наших представлениях и выступлениях стали принимать участие и взрослые. И, естественно, появились вполне взрослые выставки – Аптека под ногами, Цветущая косметика, Кто во что горазд, куда петрушовцы приносили свои вышивки, вязаные изделия, все не перечислить.. И конечно не мог не появиться «Вкусный стол». Участники праздника приносили всякие вкусности и друг друга угощали. Изюминкой этого угощения в течение многих лет был... глинтвейн, горячее ароматное вино, изготовленное лично Яблоковым по собственному рецепту из домашних вин. На этот праздник теперь приезжают из окрестных сел и деревень, а петрушовские дачники специально подгадывают под него свои отпуска. Надеюсь, что мы оживим сайт Макушки, где будем выкладывать множество фотографий, которые в том числе делал и Алексей Владимирович.

В. Трубочкин.

А я хочу вспомнить, как на открытии этого клуба в пятнадцатом году Яблоков показал свой слайд-фильм «Петрушово и его окрестности». То есть Петрушово – некий центр, а вокруг – все села, деревни и даже Касимов – это окрестности. Он специально для этого фильма сделал много фотоснимков – и красоты природы, и наличники, и храмы. И все это сопровождал остроумным текстом.

ДНК

Алексей Владимирович всегда нашим гостям с гордостью рассказывал об истории этих окрестностей – о том, что в Елатье воеводили три прямых предка Пушкина, что в Елатье же была одна из первых пяти гимназий в России, что Погост – соседнее село, был когда-то круче аж самого Касимова. Мы скупали все возможные книги о Касимовском районе и даже заказывали местным историкам и краеведам собственные исследования. Мы подружились с сорудниками Касимовского краеведческого музея, приглашали их на нашу «Макушку». Они привозили на наши праздники мастер-классы и выставки, но главное – выступали с рассказами об истории наших мест.

В. Трубочкин

И когда-то здесь был колхоз, а еще раньше – постоянный двор, кузница и много чего. Одна из наших проблем – организовать здесь какое-то производство, потому что молодежи негде работать. Но та хрупкая система, которая сформировалась здесь, требует к себе бережного отношения. Меня старые друзья по Москве спрашивают: «Что ты там живешь? Что там хорошего?». Я говорю: «У нас хорошая экология. Недалеко от моего дома находится резиденция академика Яблокова, он не стал бы жить в плохом месте. Он провел исследование и определил, что здесь самое экологически чистое место в дальнем Подмосковье. Именно эта точка с учетом розы ветров и прочее». Так я зазываю сюда инвесторов. Но если говорить серьезно, то имя Яблокова накладывает на нас особую ответственность, чтобы мы, развивая наш район, не допустили бы здесь строительства каких-либо вредных производств.

ДНК

Когда ребята, Оля с Сережей, стали делать сайт «Макушки лета», Яблоков сказал: «А почему бы не сделать сайт просто «Петрушово»? Надо сказать, такой сайт они прошлой осенью даже зарегистрировали, но обстоятельства сложились так, что нам было уже не до сайта, мы были полностью поглощены здоровьем Алексея Владимировича. Но сейчас мы делаем сайт Яблокова и там, конечно у нас будет рубрика «Петрушово».

В. Трубочкин

И еще хочу рассказать о таком моменте. Моя супруга нашла в интернете информацию об орешнике «Академик Яблоков».

ДНК

Никогда об этом раньше не слышала. Но уместно будет вспомнить, что часть нашего сада за околицей – там же много земли, 7 гектар, колхозный пай - Яблоков засадил маньчжурским орехом. Там уже растет несколько десятков – целая ореховая роща.

Валя! Вот Вы вместе с Алексеем Владимировичем пели и пили. Поделитесь, пожалуйста, своими воспоминаниями.

Рыбкина Валентина Павловна.

Это был очень умный, обаятельный, трудолюбивый человек. Я бы не сказала, что он был строгим. Он всегда улыбался. На любые темы он разговаривал. А Петрушово он всегда называл раем. И лучшее место для него – это Петрушово. Конечно, он много сделал для деревни. Во-первых, наша часовня. Во-вторых, он хлопотал, чтобы нам провели здесь газ. Это тоже его заслуга. И ремонты дороги, везде всегда звонил и помогал. Насчет строгости – конечно, по каким-то вопросам он был очень серьезным. Я согласна. Когда мы собирались, мы всегда пели. Он очень любил русские народные песни и много их знал. Он до глубины души был именно русский человек. Он любил природу, он любил людей. И вообще был обаяшка. Я его очень любила.

ДНК

Мало кто из тех, кто знал его только по работе, знали, как он любил петь. Валя с подружками приходили к нам на Рождество ряженные, мы накрывали стол и начиналось...

В. Рыбкина

5 или 6 человек мы наряжались, приходили за подаянием: «Подай коляду, а то корову уведу». Он всегда нас встречал, всегда бутылочку коньяка ставил, закусочку. И вместе с нами гулял. Дильбар Николаевна с нами плясала. Мы обычно осенью ходили в лес, как бы прощание было. Идем обратно мимо дома Яблоковых, они встречали нас здесь на краю деревни, тоже песни пели.

Бирюкова Виолетта Анатольевна

Удивительно, что когда Яблоковы ко мне приходили на именины, он, кстати, очень любил рыбные котлеты, мы обязательно пели. Он знал очень много песен – русских, советских. Помнил все слова. У нас была такая чудная компания, даже сравнить нельзя ни с чем, настолько простая, такая человеческая. На Петра и Февронию мы собирались.

Рыбкина Валя

Он очень любил Петрушово. А на «Макушку лета» он последний год был уже больной, но все равно сам приготовил глинтвейн, приехал, уже из машины не мог выйти. Он сидел в машине, смотрел на этот народ, на наши выступления. Ведь к нам откуда только не приезжают – и из Москвы, и из Парижа. Алексей Владимирович сидел в машине и улыбался, радовался. И так хлопал – я за ним наблюдала. Большой души человек был.

Он, например, всегда не только свою территорию окашивал, а и деревенскую тоже. А зимой от снега тоже очищал себе и соседям.

А в часовне - все эти полочки наделал. Потом на 10-летие часовни сделал такой подарок – резной наличник на арочную дверь. Он все умел делать. У него не только голова работала, он и руками все умел делать. Большой души человек был. Светлая ему память.

В. Бирюкова

У нас в часовне есть фотоальбом, в котором рассказывается о том, как строилась с нуля наша часовня. Там почти на каждой странице – Яблоков. Начиная с фундамента, дальше оформление – столярные работы, крыльцо каменное, купол и крест... Празднование. Без него ничего не происходило.

ДНК

Когда мы задумали строить в деревне часовню, мы наивно полагали, что все будут рады вложить свой волонтерский труд в это строительство. Но местные жители поначалу отнеслись к этому хотя и с надеждой, но и с недоверием.

Я нашла необычный способ стимулировать к спонсорству местных предпринимателей – писала об их бизнесе статьи в центральные СМИ. И получала пиломатериалы, камень, цемент, утеплитель для крыши т.д. Но самый существенный вклад внес... известный мошенник Евгений Адамов. Еще будучи министром атомной промышленности, он назвал как-то Яблокова в передаче Светланы Сорокиной «Глас народа» «лжецом». Хотя Яблоков просто озвучил информацию из ведомственного журнала атомщиков. И Адамов получил от суда штраф как компенсацию за оскорбление чести и достоинства. Вскоре он был арестован в США, экстрадирован в Россию и спокойно продолжал служить уже на другой, конечно, должности в том же ведомстве. Как-то я пожаловалась на него новому министру, что Адамов не платит свой штраф, и вскоре мы получили от него деньги. Это был самый серьезный вклад в строительство часовни. Но самая большая радость была, когда местные жители, убедившись в наших добрых намерениях, стали по мере возможности помогать и трудом и деньгами. Так что построили мы нашу часовню, можно сказать, всем миром. И Яблоков всегда радовался, что часовенка очень востребована, что о ней заботятся, украшают и прибирают. Сами прихожане проводят там службы. И батюшка, конечно приезжает.

Вернемся в Москву. Андрей Николаевич Фролов - многолетний соратник Яблокова, председатель ассоциации экологических общественных организаций Москвы.

А. Фролов

Но начну я не с экологических вопросов, а с человеческих, уникальных. У него была феноменальная память. Можно было придти к нему, скажем, в 2010 году и начать разговор, а он говорил: «Да, я помню, в 1990 году мы это обсуждали». Хотя для меня это вопрос значимый, а для него – один из

многих и многих. Другая уникальная способность – сразу понимать главное из того, о чем ты говоришь. Даже если для него это совершенно новая проблема. «Ну-ка расскажи» говорил Яблоков. И я в течение пяти минут ему рассказываю – и все, эта идея уже и его. И он сразу говорил: «Я готов этим заняться». И сразу это становилось его проблемой, он включался, был готов помогать. В 2008 году у нас произошел разговор о том, какие критерии должны быть для определения состояния окружающей среды. Меня естественно занимали проблемы Москвы. Я ему сказал: «В 1995-м году мы создали Государственный доклад о состоянии среды в Москве». Это был единственный тогда доклад в стране. Все данные секретились. Попробуйте даже сейчас по Касимовскому району найти данные по заболеваемости и смертности – вы не найдете. Особенно, если эти данные связаны с экологией. Яблоков собрал все данные о смертности и здоровье москвичей и наложил это на карту экологических показателей по районам. И там была четкая корреляция. Конечно, плохой воздух и вода отражаются на всем живом, собаках, например, на растениях тоже. Но по людям есть статистика. Но нам в Моссовет ее не предоставляли. Яблоков сказал: «Я этим займусь». Не знаю, каких трудов это ему стоило. Ни одному человеку сейчас получить такую информацию невозможно. Как и в советское время. Он проанализировал огромное количество материалов, документов, публикаций, докладов, сопоставил как ученый, все это обобщил и классифицировал. Из-за того, что у него был большой спектр знаний, он смог на основании разных данных сделать научные выводы. Боюсь, что в ближайшие лет 10-15 никто такую работу сделать не сможет. Вот такой человек. Вроде бы идея даже не его, но он посмотрел, что никто этим не занимается и взялся. И сделал.

Характерная черта Алексея Владимировича, которая меня всегда поражала, - целостность. Жизнь меняется, все и всё меняется. Как-то я пришел к нему в кабинет, а он говорит: «У меня проблема. Хочу с тобой посоветоваться. Ты человек молодой, больше в современной жизни разбираешься, что сейчас принято, что не принято. Несколько лет назад у меня умерла жена, я ее очень любил. А сейчас я встретил человека, которого я тоже очень люблю.

Морально или не морально я поступлю, если женюсь?» Я ему сказал: «У Вас жизнь еще впереди. Вы что же один собираетесь жить?». Вот такой он был верный. Я понял, что этот вопрос его мучает, и ему нужно было перед кем-то высказаться, проверить себя, не совершал ли он предательство.

ДНК

Кстати с Элеонорой Бакулиной, своей покойной женой, он написал в соавторстве несколько детских книг. А когда мы поженились, не снял первое кольцо, а надел второе. И всегда мы вместе ухаживали за ее могилой на Ваганьковском кладбище.

А. Фролов

Если он человека воспринимал, нашел с ним общий язык, он, не смотря ни на какие разногласия и конфликты, всегда был готов придти на помощь. Он как бы записал плюсики на человеке, в данном случае на мне, и я всегда мог на него надеяться. В то время как все вокруг текут по течению – сегодня одному начальнику аплодируют, завтра – другому, Яблоков, а я знаю его около тридцати лет, – всегда был верен себе. И делал только то, что считал нужным. У нас были серьезные разногласия, когда мы строили Зеленую партию. И вдруг был принят закон, который фактически свел на нет все наши усилия. И Яблоков решил со своими соратниками уйти в Яблоко. Я был категорически против. Каждый остался при своей точке зрения, и мы остались соратниками. Но если человек выходил за пределы допустимого в каком-либо споре, он переставал с этим человеком общаться. Я знаю таких людей и знаю, как они сильно переживали, когда Яблокова не стало. Яблоков был всегда прогнозируем. Было понятно, как он поступит, как он к чему-либо отнесется. Всегда можно было быть уверенным, что он тебя поддержит, если ты действуешь в соответствии с его моральными принципами.

Так например, я однажды пришел к нему и сказал: «В Москве есть несколько действующих атомных реакторов. В России может начаться гражданская война. Атомные реакторы – идеальный объект для террористов. Если хотя бы на одном из них произойдет теракт, то Москва накроется». Это было в 90-м году, Яблоков тогда работал в Верховном Совете СССР. Он выслушал и сказал: «Давай вместе будем делать». Представляете? Советский Союз еще существует, атомное лобби, Средмаш, Академия наук... И мы сделали – все реакторы были заглушены или вывезены. Без него я не смог бы даже подступиться к этой задаче. Яблоков напрямую обращался ко всем, кто мог решить эту проблему, не взирая на регалии и чины. Когда теракты начались в Москве – Дубровка, жилые дома, метро, Пушкинская и т.д., взорвать атомный реактор не представляло бы особенного труда. И был бы маленький Чернобыль, но маленький Чернобыль для Москвы - это конец Москве. Мы должны понимать, что благодаря Яблокову этого не случилось, и Москва, по большому счету должна быть ему очень благодарна. Он ее фактически спас.

ДНК

Андрей Николаевич, если бы Яблоков Вас сейчас услышал, то сказал бы: «Не преувеличивай». Он всегда пресекал любые разговоры о его заслугах.

В. Рыбкина

А я хочу вспомнить, как он любил природу. Какие он делал фотографии. Вот даже здесь, в клубе есть стоечка с его фотографиями. Полистайте. И деревья в инее, дорога, деревня, как он мог снять птичку в скворечнике, ежиков, ящериц, цветы. Такой у него талант был. Не знаю, каких только у него не было талантов. Везде Яблоков на первом месте. Бог очень много ему дал, а через него – нам.

Е. Бирюков

Я не знал его научных трудов. Но я знал, что он был человек мирового масштаба. Меня удивляли его разные способности. Он прекрасно водил машину. Он хорошо знал английский. И делал доклады на английском. В общении был очень прост. Это меня поражало, потому что я по работе имел дело с крупными учеными, но по оборонной тематике. Но эти люди, Тихомиров, например, Седов, академик – они машины не водили, языками не владели. Они были специалисты. Причем, они в обычной технике тоже мало соображали. Они были крупные, но узкие специалисты по оборонной тематике, по механике. А он был вездесущ. Это меня удивляло. Он все умел делать. А какой порядок в гараже у него. Он был многосторонний. С ним можно было говорить на любую тему. Он реагировал на любые вопросы. Он был человек большого масштаба.

В. Бирюкова.

В архиве, вы мне показывали, сколько там трудов.

ДНК

В архиве – папки с его досье. Огромное количество папок и книг здесь в его кабинете и в рабочем кабинете в Москве. И дома в Москве. Сейчас московская мэрия подыскивает помещение для общедоступного интерактивного кабинета Яблокова. Будем туда переводить его кабинет из института Северцова. А что касается собственно его трудов, то у него издано больше 130 книг. Он был как вечный двигатель, перпетум-мобиле, все время производил какой-то полезный продукт. Если он проводил важное совещание, после этого старался опубликовать его материалы в сборнике. Он любил закрепить результаты, чтобы многие могли ими воспользоваться. Я сейчас начала работать над интеллектуальным наследием Алексея Владимировича и не понимаю, сколько нужно лет, чтобы все это хотя бы разобрать.

Представляю вам Светлану Проскуруину. Светлана, наверное, единственный режиссер в мире, у которой премьера фильма состоялась в деревне. А дело было так. Однажды, когда мы с Алексеем Владимировичем были в Петрушове, мне по мобильному телефону позвонила Светлана Николаевна и пригласила в Дом Кино на премьеру своего нового фильма «До свидания мама». Я же ей предложила устроить премьеру у нас в деревне, благо всего в каких-то пятидесяти километрах от Петрушова в деревне Квасьево у Светланы есть чудесный дом. Конечно, основные хлопоты упали на Серегу – он прямо в нашем доме соорудил большой экран из лутрасила (для тех, кто не знает, это укрывной материал для грядок), наладил проектор и усилители звука. Зрителями были местные жители и дачники. И все было по-настоящему – вступительные слова, просмотр, обсуждение, вопросы и ответы. И, конечно, цветы Режиссеру. Яблоков составил огромный и очень

красивый букет из того, что растет на нашей усадьбе. Эта премьера стала началом нашей тесной и замечательной дружбы. Именно после этой премьеры мы решили реанимировать нашу давнюю мечту о частном деревенском клубе общего пользования. Кстати, Светлана Николаевна принимает активное участие в его обустройстве и дизайнерскими идеями, и в пополнении библиотеки и видеотеки, и в оборудовании компьютерного уголка. А на открытии клуба она показала свой документальный фильм, в котором был сюжет, снятый в Касимовском района, т.е. по классификации Яблокова – в окрестностях Петрушово.

Предоставляю слово Проскуриной Светлане.

С. Проскурина

Я никогда не занималась китами и я никогда ничего не отстаивала, кроме собственного оврага, чтобы его не завалили мусором. Поэтому я поделюсь совсем маленькими частностями.

Алексей Владимирович общался с какой-то такой религиозной сакральной простотой, что любая барышня совершенно понимала бы корень вопроса и не казалась бы сама себе глупой. Он чудесно умел рядом с собой любого человека как бы посадить на руку, как у святых – льва можно посадить у святого Герасима. И сидит лев на руках, и ты равен льву и лев равен тебе. И так все чудесно, и никто никого не побеждает. Как он этим изумительно владел. Поэтому мы все такие разные люди и все говорим: «Он такой ...» Я не могу представить его сердитым, хотя понимаю, что он мог поставить на место, но это же про другое. Он очень уважал белый свет. Он очень уважал душу человека.

За всю свою жизнь я никогда не имела ни с кем из профессионалов такого значительного для себя разговора про мое дело, про мои фильмы, как с ним. Это были какие-то укромные, потрясающие, полные не оценок, не то чтобы «Светлана, ах, спасибо, Вы сняли гениальный фильм». Это какого-то другого уровня разговор. Какого-то ясного понимания, с полным пониманием твоих мук и притязаний, и уважения к ним и плюс к этому какие-то изумительные подробности про то, что он понял из фильма про белый свет. Второе – он изумительно обращался с возрастом. Никогда в жизни я не думала, что это старик. Я всегда знала, что это мужчина. Я даже не думала – мой ровесник, не мой ровесник. Это был абсолютно человек времени, мой современник. Как будто бы мы в школу ходили вместе, как будто бы мы одни книжки читали. В нем чувства другого поколения не было. Он какой-то был в этом смысле... он не старел. Я не говорю сейчас про болезни или про усталость. Я говорю про вот эту изумительную оторопь перед миром, когда он как дитенок все время, готов его узнавать, готов его принимать, готов с ним быть.

Слушайте, как с ним чудесно было выпивать и закусывать. Просто уму непостижимо. Я очень люблю заниматься едой, очень люблю готовить и всегда с радостью принимала Дильбар и всю семью, и это были такие

праздники. Мои деревенские друзья все помнят, когда они приезжали. Какой он был благодарный поедатель вкусов и странных кулинарных изысков. Какой он был благодарный на каждом сантиметре еды, как он чувствовал каждую травку в каждом блюде, как он отмечал, как это красиво подано, как он мог оценить посуду, как он чудесно ел. Я бы кормила и кормила его всю свою жизнь. Он вообще был удивительно благодарный человек. При этом он никого не обирал. Когда мы все вместе сидели, он ничье время не забирал. Он ничье внимание не забирал. И он каждую секунду был вместе. Никогда даже тени не было ни фоноберии, ни того, что он что-то знает лучше, чем мы. Это какая-то трепетная приближенность просто к божьей душе. А самое гениальное, это я говорю всегда, где бы я ни выступала и какое бы интервью я ни давала: человек не воцерковленный ставит часовню. Вы когда-нибудь слышали такое в своей жизни? Это не человек, который посещал воскресные службы и причащался каждое воскресенье. Он поставил эту часовню, потому что в деревне надо старушкам куда-то ходить и okayмляться. Ну я понимаю - сажать яблони, я - понимаю даже - наградить деньгами, я даже понимаю - газ провести... Но чтобы в деревне, почти обезбоженной, потому что куда ходить, ведь на машине ехать не всегда получается к службе – вдруг про это подумать и невоцерковленному человеку поставить часовню – и еще туда выпиливать что-то лобзиком – это абсолютно какая-то божья душа. Царствие ему там небесное и пусть он слышит, что мы его любим.

ДНК

Нет ничего удивительного в этом для Яблокова. Он просто очень добрый человек, у него была какая-то органичная потребность делать добрые дела. Он радовался каждой возможности это делать. Он не верил в Бога, но, я думаю, Бог верил в него. И очень многое ему дал. В том числе и эту безграничную доброту. И неизбывную любовь ко всему живому, к природе и людям. И силу – физическую и моральную. Многообразие талантов и фантастическую работоспособность. Все, что сделало его бескомпромиссным охранителем природы и людей, другими словами – божьего творения, от опасностей и угроз, исходящих также от людей.

С. Проскурина

Я не могу сказать, что будет что-то вечное, кто это знает? Но я точно знаю, что пока мы живы, его невозможно забыть. Он все сделал для того, чтобы эта его нежность, какая-то трепетность, как будто он не был важным ученым, – осталась с нами. Самоустраиваясь, он все сделал для того, чтобы быть уместным и таким навсегда укорененным. И чудесным. Спасибо ему за эту дружбу и за то, что вдруг я поняла, что вообще не надо ничего доказывать, нужен какой-то тихий путь. Все, что в тебе заявлено – все будет. Нам всем надо быть спокойнее и нежнее. Божья душа, даже если это гопник, или идиот – мы должны быть осторожнее. Давайте будем друг к другу нежными, и он будет нам помогать. Простите мне мои слова, но это какое-то счастье мое вместе с Алексеем Владимировичем. Может быть, я такой хорошей никогда

ни с кем не была, потому что он что-то такое сделал со мной. У меня нет ни одного сантиметра, чтобы я была собой не довольна, как я с ним общалась. И думаю, что и он всегда был мною доволен. Он заставлял человека становиться немножко на цыпочки и быть адекватным тому, как ты задуман. Он еще делал так, чтобы мы узнавали в себе самое лучшее..

ДНК

С нами сегодня два внука Алексея Владимировича – Антошка и Алешка. А еще у нас есть две внучки – Настёна и Анютка. И все уже очень-очень взрослые. А у Насти даже двое детей – наших правнуков. Алексей Владимирович любил говорить, что когда рождаются правнуки, все грехи прощаются.

Алексей Яблоков младший, в последнее время, к сожалению – не частый гость в Петрушове.

А. Яблоков

Дед для меня – самый близкий человек. И я всегда с удовольствием проводил время здесь, в деревне.

Деду казалось, что если кто-то хотя бы одну минуту не работает, то он должен чувствовать себя несчастным человеком. И он всегда старался осчастливить меня, когда я приезжал в Петрушово. И однажды Дильбарчик возмутилась и отправила меня жить в мансарду. Подальше от дедовских глаз. «Спи сколько хочешь, сказала она, и делай, что хочешь. И вообще будь свободным». И я в тот приезд написал много стихов.

Когда дед прошел курс облучения, ему нельзя было заниматься тяжелой работой. Но в Петрушове удержать его было трудно. И тогда Дильбарчик попросила меня приехать специально, чтобы я брал на себя такую работу и не давал делать ее деду.

Кода-то дед брал меня с собой в научные экспедиции. И я помню всех его коллег, с которыми познакомился в этих экспедициях. А сейчас я радуюсь тому, что мы вместе с его соратниками в Петрушове сажаем сад памяти моего любимого деда.

ДНК

А вот Антошка любит приезжать в деревню, часто с друзьями. На прошлой «Макушке» один из них имел оглушительный успех. Исполнив песни под свой же аккомпанемент на гитаре.

Антон.

У меня, конечно, очень много воспоминаний, связанных с дедулей, но больше всего именно петрушовских, поскольку мы с Аней проводили здесь по 4-5 месяцев летом и по несколько недель зимой. Однажды зимой я заболел воспалением легких, и дедуля три раза в день привозил мне медсестру для уколов. Были ужасно метельные дни, дорогу моментально

заносило, и в соседнюю деревню и обратно приходилось добираться, разгребая снег лопатой, чтобы проехать на машине.

Помню, как дедуля научил меня ловить рыбу в нашем пруду. И мне везло. Но потом я пытался с удочки накормить кролика, и он заглотал крючок. Дедуля тогда ужасно рассердился, и это был единственный раз, когда я видел его сердитым.

Он очень жалел все живое. Наш пруд обмелел, и надо было его чистить. Но там еще оставались какие-то рыбешки и лягушки. И дед организовал всю детвору, которая любила приходить к нам во двор, и мы выгребли и в ведрах перенесли всю живность в соседний пруд.

Он научил нас с Аней играть в шахматы, оборудовал нашу комнату и веранду спортивными снарядами – канатом, лесенкой, перекладиной, шведской стенкой.

А еще я помогал ему делать шашлыки.

У меня здесь до сих пор сохранились деревянные мечи и гитара, которые сделал дедуля, когда я был маленьким. И я с тех пор тоже очень люблю работать с деревом.

ДНК

Послушаем теперь Диму Глазова, специалиста по морским млекопитающим, а потом посмотрим российский фильм «Рожденные свободными», который сейчас с успехом идет по всему миру.

Д. Глазов

Я сотрудник института проблем экологии и эволюции, в котором территориально находится кабинет Яблокова. Так случилось, что институт Кольцова, в котором Алексей Владимирович был в штате, находится на улице Вавилова, но он всегда работал в нашем здании.

Есть такая общественная организация, которая была создана при участии Алексея Владимировича «Совет по морским млекопитающим». Есть и другие организации, в которых Алексей Владимирович принимало то или иное участие.

ДНК

Он, например, несколько десятилетий был Председателем «Московского общества защиты животных».

Д. Глазов.

В советские времена был активный промысел китов, Советский Союз славился своими китобойными флотилиями, которые ходили по всем морям. Это с одной стороны помогало решить проблему продовольствия, поскольку сельское хозяйство было в тяжелом состоянии, и поднимать его было долго и тяжело, а киты, и не только киты, а и тюлени, и белухи и прочие, должны были спасти и спасали от голода советских людей. Кроме этого они служили источником жира и костей для мыловаренной промышленности, китового

уса для одежды и зонтиков и т.д. Объемы добычи были гигантские. Более трех миллионов было добыто морских млекопитающих в совокупности разными странами. Потом постепенно этот промысел сокращался и сейчас почти совсем сошел на нет после введения моратория Международной китобойной комиссией на вылов этих животных. Но остались люди, остались лаборатории. И Алексей Владимирович собрал специалистов в Совет, чтобы они продолжили заниматься наукой и охраной, а не разбредались по Штатам и другим странам и просто не спивались. Это помогло. До сих пор какое-то количество студентов и аспирантов приезжает на наши международные конференции, которые мы проводим каждые два года. В будущем году будет двадцатая.

Первым наставником-учителем Алексея Владимировича был Петр Петрович Смолин. Он был очень талантливым педагогом, вел кружок юного биолога в зоопарке и собирал вокруг себя послевоенных беспризорников. Яблоков, конечно, не был таковым, а просто очень любил всяких живых существ. А потом этот кружок переехал в Дарвиновский музей, когда он располагался еще на Фрунзенской. Оттуда вышло довольно много известных людей – Александр Мень, Николай Николаевич Дроздов. А мой отец на поколение младше. Тоже ученик Смолина и тоже из этого кружка, он назывался потом ВООП. Отец мне рассказывал о людях, которые имели отношение к этому кружку. Там была достаточно жесткая иерархия – были младшие, были старшие, старшие надзирали над младшими, иначе было бы сложно удержать детей, которые пришли с разных улиц. Для моего отца Алексей Владимирович был старшим. И у него кличка была «Лёшик». Потом «Лёшик» заседал в Верховном Совете и я в первый раз увидел по телевизору, когда он был депутатом. Но, конечно, когда я стал заниматься морскими млекопитающими, я стал читать его книжки и статьи, а потом попал в Совет по морским млекопитающим, где он был такой мифической фигурой, потому что у него всегда было много других дел и Совет существовал без него. Потом Алексей Владимирович появился на какой-то из конференций. И так как территориально мы находились в одном здании, то мы стали иногда общаться, и я получал от него всякие задания и поручения. Я понял, что он не только широко и глубоко знает все про морских млекопитающих, но более по широкому кругу вопросов. Я понял, что он категорически не приемлет непрофессионализма. Вскоре я стал у него заместителем по ихтиологической комиссии, и мы там организовывали по касаткам совещания. И выступали люди, далекие от науки, но пытались совершенно непрофессионально говорить на языке науки. Это вызывало у него ярость.

Осенью 2016 г года мы приезжали к нему в больницу в Обнинск записывать его обращение к нашей очередной конференции. Сам он поехать уже не мог. Времени на запись у него было мало, в больничном коридоре уже ждали другие посетители, но все же в коротких перерывах мы пообщались, и я понял, что помимо актуальных политических проблем и проблем морских млекопитающих, у него в голове еще много таких вроде бы мелочей, которые

его помимо этого тоже волнуют. Он работал в начале своей научной карьеры на китовой базе промысла на Дальнем Востоке, рядом с Сахалином. И они с Бельковичем, с которым они вместе под псевдонимом Тур Туруканов написали детскую книжку «Приключения Гука» (о дельфиненке), вскрывали в научных целях этих китов. И вот в больнице он вдруг вспомнил, что они обнаружили, что у китов нет сфинктера на мочевом пузыре. Это его поразило, потому что для млекопитающих это не нормально. Он написал об этом какому-то своему коллеге в Америку, и ему неожиданно ответил какой-то специалист из дельфинария. Он накормил дельфинов синькой и убедился в том, что дельфины, плавая, оставляют за собой синие следы. Это биологически очень интересно, потому что по этому следу их могут найти паразиты, они могут друг друга искать. И Алексей Владимирович осенью 2016 года сказал мне: «Жалко, что я нигде это не написал. Я сейчас лежу в больнице и вспоминаю какие-то вещи, которые я не доделал».

ДНК

Наверняка, он вспоминал и фенетику, ведь они ее придумали с Тимофеевым-Рессовским именно для того, чтобы получать многие научные данные только по внешним признакам, чтобы можно было, не вторгаясь в организм животного, сказать о нем что-то важное. Любопытно, что классифицировать по признакам они начали с китов, а метод этот оказался востребованным, например, в животноводстве. У Яблокова есть даже какое-то свидетельство за изобретение – как по носу распознавать в теленке будущую молокообильную корову.

А что касается китов, то Алексей Владимирович считал их разумными существами и лично приложил немало усилий для запрета их промысла.

Д. Глазов

О фильме. Он специфичный. Сейчас в мире идет кампания за закрытие дельфинариев. Особенно в США. В Китае это нереально, а в Европе и США некое зеленое движение пытается это осуществить. До этого был фильм «Черный плавник» о касатках, которые убивают своих тренеров прямо во время выступлений. Фильм, который вы сейчас увидите – о белухах, о содержании белых китов в дельфинариях. Их еще называют морскими канарейками. Потому что они поют, и человек их слышит. Первый вариант фильма был о том, что есть проблема содержания морских млекопитающих в неволе. Тогда взяли интервью у Алексея Владимировича, у меня, у других. Дело в том, что в России нет никаких нормативов содержания таких животных, и их содержат по нормативам плавательных бассейнов для человека. И хлорирование и другие нормы. Потом появился новый продюсер, американец, который поменял акценты. Тот человек, который сегодня предстанет перед Вами как основной «злодей», на самом деле крупный ученый, который открыл у дельфинов полушарный сон. Т.е. дельфины никогда не спят полностью, половина мозга спит, а другая бодрствует. Поэтому они не тонут.

И все-таки это фильм о белухах, которых так любил Яблоков.

ДНК

В не вошедшей в фильм части интервью, которое мне любезно для архива предоставила соавтор фильма, Яблоков объясняет, почему в ближайшее время вряд ли удастся закрыть приносящие немалые доходы дельфинарии. Он был реалистом. И там же выражает надежду, что с развитием новых технологий, всяких три и пять D, когда эффект присутствия в подводном виртуальном мире будет ярче, чем реальное присутствие на шоу в дельфинариях, аквапарки постепенно не будут востребованы и соответственно исчезнут. Он говорил о том, что, возможно, продолжится процесс одомашнивания животных и, возможно, этими животными будут дельфины. Он был мечтателем.